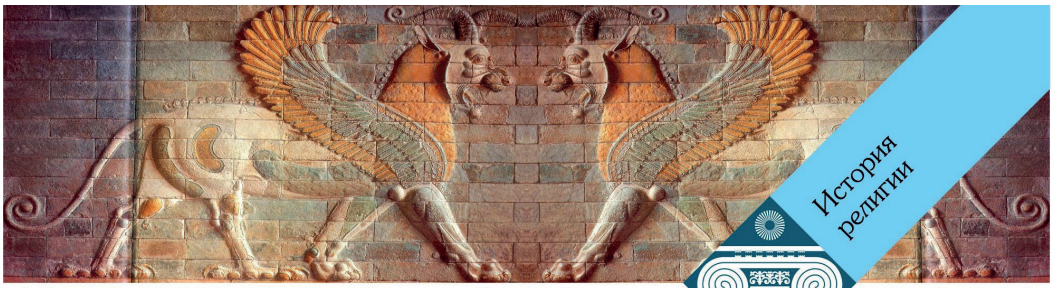


Титорева Г.Т.

Шаманские верования эвенов Приохотья

Г.Т. Титорева

Аннотация. В статье рассмотрены особенности шаманских верований и практик, атрибутики, костюма эвенов Приохотья. Введены в научный оборот полевые сведения о шаманах Охотского района Хабаровского края.

Ключевые слова: эвены, коренные малочисленные народы Севера, религия, шаманизм, Приохотье

Религиозные верования эвенов представляют сложную синкретичную систему, включающую в себя древние дошаманские верования, шаманизм и христианство в форме православия[1]. В ходе длительного исторического развития элементы каждой из форм верований отбирались и адаптировались к условиям и особенностям материальной и духовной культуры кочевого этноса, встраивались в его мировоззрение и к началу XIX в. – времени завершения процесса христианизации ламутов (эвенов), – а может быть и раньше, сформировался этот своеобразный конгломерат, определяющий религиозные взгляды эвенов. Парадоксальность религии эвенов отмечали многие исследователи, в разное время бывавшие в Приохотье[2]. Шведский учёный Стен Бергман писал в своих дневниках: «По названию ламуты относятся к православной конфессии. В каждой юрте висит небольшая икона, и они часто крестятся перед ней. Но в сердце и душе они верны старому шаманизму, то есть искусству с помощью духов менять ход событий»[3]. Верования, в какой бы форме они не проявлялись, всегда имели для эвенов большое значение. Следует отметить, что они искренне и глубоко воспринимали идеи каждого религиозного направления, вошедшего в их культуру.

Религиозные верования эвенов изучены очень слабо. Это связано и с кочевым образом жизни, способствующим значительной изолированности охотских оленеводов, и табуированностью сакральных знаний, закрытых для исследователей-«иноземцев».

Цель данной статьи – рассмотреть особенности шаманских верований и обрядовой атрибутики эвенов Приохотья и ввести в научный оборот архивные и полевые материалы о деятельности эвенских шаманов Охотского района Хабаровского края в XX в.

Первые сведения об эвенских шаманах были получены от Я.И. Линденау, побывавшем на побережье Охотского моря в середине XVIII в. Несмотря на то, что знакомство Я.И. Линденау с шаманскими обрядами охотских эвенов, вероятно, было кратким и достаточно поверхностным, автор собрал ценные сведения о роли и функциях шамана в жизни этноса. Исследователь справедливо отмечает, что все действия шамана продиктованы желаниями и указаниями духов, или «дъяволов», как он их называет, общение с которыми происходит во сне. Каждый шаман имеет своих духов-помощников, после его смерти духи переходят его преемнику[4].

Как правило, шаманский дар передавался по наследству. Чаще всего, неофит с большим нежеланием принимал своё назначение, но отказаться от него возможности не имел. Окончательно посвятить в шаманы новичка, «открыть» ему свою дорогу должен сильный, авторитетный шаман. Он же по личным качествам молодого шамана, его внешним признакам определял животное, которое становилось его главным духом-помощником. Это мог быть медведь, волк, гагара[5]. В архиве Музея

антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) хранится очерк неизвестного автора о жизни ламутов 1916–1918 гг., в котором, помимо различных сведений, имеется подробное описание шаманского камлания[6]. Интерес представляет рассказ главного действующего лица о том, как в семнадцатилетнем возрасте из удачливого охотника он вынужден был превратиться в шамана. Спасаясь от преследования медведя в тайге, юноша забрался на лиственницу, на верхушке которой обнаружил бубен и шаманское одеяние. Пытаясь напугать медведя, охотник стал бить в бубен и бессознательно петь «как истый шаман, призывая в помощь силы духов». С тех пор он уже не мог «оставить бубен»[7]. По представлениям эвенов, лиственница является священным деревом, соединяющим миры. На это дерево до настоящего времени привязывают ленточки ткани в качестве обращения, «подарка» духам.

Судя по материалу, автор очерка лично присутствовал на камлании, связанном с лечением больного человека, записал тексты, произносимые его участниками, и изложил их в своём очерке. Свидетельства очевидцев и участников камланий, а также записи шаманских текстов являются наиболее ценными и, вместе с тем, крайне редкими аутентичными источниками, обладающими высокой степенью достоверности и позволяющими судить об особенностях этнического мировоззрения, о структуре и смысле шаманских обрядов[8].

Повествование очерка свидетельствует о посреднической роли шамана, осуществляющего связь миров, связь людей и духов, населяющих эти миры. Эвенский шаман предстает безвольным инструментом, транслирующим идеи и требования духов – злых (подземных) и добрых (небесных), – а для сородичей, населяющих земную сферу, он служит защитником, готовым рисковать своей жизнью ради них. В тексте обозначено существование духов не только разного характера, но и разного назначения. Это духи-покровители или «распорядители», как их называет автор, и духи-исполнители, то есть духи-помощники, имеющиеся в арсенале каждого шамана[9].

В прошлом институт шаманства был широко развит среди эвенов. Шаманов было много, каждый род и территориальная группа имели несколько служителей. В 1860-х гг. только в окрестностях Ини практиковало более тридцати шаманов[10]. Как и у других тунгусо-маньчжурских народов, эвенские шаманы делились на категории согласно своим «профессиональным» возможностям. Выделялись немногочисленные сильные или «большие» шаманы, чьи наследственные способности были общепризнанны этническим сообществом. Кроме них существовало так называемое «семейное» шаманство, получившее наибольшее распространение в период становления советской власти в Приохотье, в 1920–1930-е гг. Семейные шаманы занимались этой деятельностью по собственному желанию и с одобрения родственников[11]. Гонения на шаманов, запрет их деятельности заставляли авторитетных служителей осуществлять свою деятельность скрытно и менее активно. В этих условиях возросла роль семейных шаманов, вынужденных взять на себя дополнительный объём ритуальных функций. Заведующий Красной ярангой, побывавший в стойбищах Россохинско-Березовской группы эвенов, утверждал, что «в каждой семье глава её является шаманом»[12]. К середине 1930-х гг. в южном Приохотье наиболее многочисленной и влиятельной оставалась группа шаманов на Хейджане, Ульбее и Улье[13].

Шаманская деятельность была характерна как для мужчин, так и для женщин, однако «сильными» шаманами женщин признавали редко, и спектр их функций был более ограниченным, чем у мужчин. Основными функциями шаманов было лечение людей и домашних животных, помощь в промысле, предсказания. По представлениям эвенов, шаман мог влиять на погоду, вызывать гром[14]. Г.В. Василевич утверждала, что в тунгусском шаманизме отсутствовал обряд отправления души умершего в мир мёртвых[15]. По другим данным, в функции эвенских шаманов входило общение с умершими и проводы их душ в потусторонний мир *буни*[16].

В литературных источниках и свидетельствах информантов из числа эвенов Охотского района мы находим рассказы о необыкновенных свойствах шаманов и «чудесах», совершаемых ими во время камланий. Шаман мог жевать горячие угли, высекать искры от прикосновений к своему телу[17] и даже воскреснуть вскоре после смерти[18]. В идеологии и практике эвенского шаманизма важную роль играли дошаманские верования и культы. Наиболее значимым из них был культ огня, используемый во всех обрядах[19].

В музеях России сохранилось мало предметов одежды эвенских шаманов. Я.И. Линденау утверждал, что они вообще «не имеют особого платья для камлания, кроме их повседневной одежды»[20]. В более поздних источниках сообщается, что шаманский костюм изготавливался из ровдуги и отличался от повседневного обилием украшений[21], был «расшит разноцветным бисером и шерстью, увешан колокольчиками и побрякушками»[22]. Маловероятно, что в прошлом столь значимая для этноса ритуальная практика была лишена такого выразительного элемента, как специальное облачение её ведущего. Скорее всего, авторы противоречивых сведений присутствовали на камланиях, имеющих разный статус и назначение, поскольку полное облачение имели только «профессиональные» шаманы, совершающие «большие» общественные камлания. Семейные шаманы проводили свои обряды в обычной, повседневной одежде[23]. Кроме того, необходимо отметить, что в период гонения на шаманизм происходило некоторое нивелирование и упрощение внешней атрибутики шаманских обрядов. Поэтому в советское время обязательными элементами образа шамана остались только бубен, колотушка и головной убор, что не исключало применения в отдельных случаях обильно декорированных ровдужных кафтанов[24].

В собрании Российского этнографического музея (г. Санкт-Петербург) имеется фотография якутского эвена, облачённого в шаманский костюм. Это ровдужный кафтан эвенкийского типа с длинной бахромой по подолу и многочисленными жгутами из кожи, меха и ткани, нашитыми по всей поверхности изделия[25]. Возможно, по составу и покрою одежда эвенского шамана была аналогична эвенкийской и включала в себя распашной кафтан, нагрудник тунгусского типа и специальный головной убор[26]. Это подтверждают и немногочисленные костюмы эвенов, хранящиеся в коллекциях Российского этнографического музея (колл. № 2245, 6805, 8630) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (колл. 5495 и др.). Особенностью шаманских кафтанов эвенов является цветовая асимметрия: левая сторона тёмная (женская), правая – светлая (мужская)[27]. Аналогично оформлялись и другие предметы шаманской одежды – шапки, обувь и нагрудник[28]. Дихотомия костюма олицетворяла не только единство противоположных полов, но и взаимосвязь земного и сакрального миров, людей и духов-предков, добра и зла.

Двуцветный кафтан шили также по распоряжению шамана для обряда магического лечения тяжелобольного человека. В этом случае расположение цветов на костюме шамана и больного менялось местами, «при этом осуществлялась перемена пола, что отгоняет силу злого духа и даёт послабление болезни»[29].

Наиболее многочисленны и разнообразны шаманские головные уборы эвенов. Они имеются во всех музеях Дальнего Востока и Санкт-Петербурга, которые располагают эвенскими коллекциями. Одни шаманские шапки имеют форму обода из кожи с крестообразной макушкой, которую венчают небольшие металлические рога[30]. По краю обода нашита бахрома или жгуты, свисающие на лицо и плечи[31]. Другие шапки капорообразной или округлой формы сшиты из ровдуги в сочетании с разными техниками: меховая мозаика, продержки, вышивка волосом оленя и бисером. Непременным является наличие меховой или ровдужной бахромы, закрывающей лицо. Вероятно, она служит условной границей между миром реальным и помогает шаману легче погрузиться в последний. Макушка этих шапок оформляется розеткой в форме креста, а также изображениями (плоскими или объёмными) духов-предков шамана, которые осуществляют его связь со всеми мирами[32]. Фигурки духов изготавливались достаточно реалистично, их одежда имела выраженные этнические и сезонные особенности, а иногда и половозрастные[33]. Эти антропоморфные изображения могли служить самостоятельными амулетами-оберегами шамана[34]. Духи-покровители, используемые в шаманском облачении, вероятно, были индивидуальными и принадлежали конкретному владельцу[35].

Фигурки духов-помощников из ровдуги или ткани крепились не только на головные уборы шамана, но и на традиционные шаманские пояса[36], колотушки для бубна[37], ритуальные жезлы[38]. Шаманские пояса имели сложное оформление, включающее помимо указанных выше антропоморфных изображений, металлические подвески и зооморфные фигурки.

Илл. 1. Шапка шамана. 2-я пол. XIX в. (ХКМ КП 2815)

В комплект одежды больших шаманов входили рукавицы, сшитые из лап медведя с когтями, или перчатки из ровдуги, на которых длинные когти вышивались красными нитями. На глаза часто надевали металлические очки с прорезями, кованые из серебряных монет или ложек[39].

Ни в музейных коллекциях, ни в ходе полевых исследований нами не выявлено наличие у эвенов, кроме личных амулетов, культовой скульптуры, аналогичной сэвэнам, имеющимся у других тунгусо-маньчжурских народов. Однако информанты утверждают, что до середины XX в. пожилые эвены Охотского района также пользовались культовыми изображениями антропоморфного и зооморфного характера. Их хранили в специальном коробе *кунами*. Антропоморфные фигурки имели ромбовидную голову с круглой «шишечкой» на остроконечном навершии, прямоугольное или цилиндрическое туловище, опущенные вниз руки и прямые ноги. Изготавливали их из древесины карликовой берёзы или лиственницы 10–15-летнего возраста, имеющей красноватый оттенок. Скульптуру тонировали чёрной краской, получаемой из сажи от карликовой берёзы, смешанной с жиром тарбагана. Зооморфная скульптура изображала оленей и изготавливалась из сучков лиственницы подходящей формы. Эти сэвэны запрещалось трогать детям, показывать посторонним. Подобные скульптуры имелись и в арсенале эвенских шаманов[40].

Обязательными атрибутами шамана являются бубен и колотушка. Бубен имеет, чаще всего, овальную форму и относится к дальневосточному типу[41]. В северном Приохотье встречаются и круглые бубны[42]. Для изготовления бубна эвены использовали тонкую шкуру дикого оленёнка, обечайку гнули из дерева хвойных пород. На бубне, с внутренней или внешней стороны, могли быть охрой нарисованы стилизованные изображения полусфер и птицы (гагары)[43], равноконечного креста[44] и др. А.А. Бурыкин сообщает о наличии у эвенов «тени бубна» – схематичной модели, изготовленной из лучинок, с крестовиной из проволоки. Она служила заместителем настоящего бубна, по каким-то причинам унесённого из дома на длительное время[45]. Колотушку для бубна изготавливали из берёзы и обтягивали мехом оленя.

Церковь и духовенство всегда вели борьбу с анимистическими и шаманскими верованиями эвенов, считая их дикими. Судя по дошедшим до нас документальным свидетельствам, борьба эта была безуспешной. В 1872 г. священник Инской Николаевской церкви Иринарх Верещагин обратился к Епископу Камчатскому, Курильскому и Благовещенскому Павлу с рапортом о распространении среди прихожан своей церкви шаманства, в котором пишет, что в течение 13 лет службы он не смог «убедить и одного шамана оставить своё шарлатанство»[46]. Более того, священник сообщает, что и русские крестьяне в случаях болезни или семейных бед обращаются к помощи эвенских шаманов.

Как и вся система религиозных воззрений эвенов, шаманизм в Приохотье имел синкретичный и во многом противоречивый характер. Достаточно сказать, что сами шаманы и члены их семей принимали крещение, соблюдали православные обычаи и праздники, служили «главными и строгими блюстителями христианской веры»[47]. Во время шаманского камлания иконы, висящие в чуме, тщательно завешивались[48].

Способ погребения шаманов отличался от обычного. Даже в период христианизации сильных «профессиональных» шаманов, по их требованию, хоронили воздушным способом в долблёных гробах, установленных на помостах *биркэнах*. Места для захоронений выбирали глухие, далёкие от кочевых троп. На коре деревьев, окружающих могилу, вырезали изображения птиц, по которым случайные

путники узнавали запретное место и обходили его стороной. Место захоронения было табуировано и известно только тем, кто участвовал в похоронах[49]. По некоторым сведениям, обряд погребения шамана должны были совершать члены чужого, экзогамного рода[50].

Семейных шаманов тоже хоронили отдельно от общего кладбища, но по христианской традиции в земле. Могила должна быть значительно глубже, чем для обычного человека. Особенность могилы обозначали фигурками птиц, прикреплёнными к верхней перекладине намогильного креста[51]. Имелись и другие отличия от похорон обычных людей. В частности, перед тем, как опустить гроб в могилу, его устанавливали на прямоугольном помосте, который потом клали сверху на гроб. В ноги покойнику складывали все шаманские принадлежности в сломанном виде, а на грудь клали православную икону[52].

Шаманы были очень уважаемыми и авторитетными людьми среди эвенов, они отличались глубокими знаниями обычаев, традиций предков, народной медицины и фольклора; как правило, были прекрасными ораторами, умеющими говорить ярко, образно и убедительно[53]. Поэтому, когда в 1920-х гг. в Приохотье проводились выборы в советские органы местного самоуправления, соплеменники, наряду с родовыми князцами, выдвигали на руководящие должности шаманов[54]. Однако, являясь хранителями исконных этнических традиций, шаманы не могли принять советские нововведения (школы, колхозы, медицину), которые неизбежно разрушали традиционный образ жизни кочевников, меняли вековые законы промысловой деятельности, мировоззрение сородичей[55]. Шаманы проповедовали идеи племенной замкнутости, выступали против вмешательства русских во внутреннюю жизнь оленных людей[56]. Территориальная разобщённость, языковой барьер помешали районной власти быстро разобраться в ситуации, однако уже в начале 1930-х гг. большинство шаманов было осуждено и лишено права голоса[57]. Им, как и раскулаченным богатым оленеводам, было назначено «твёрдое задание» на вылов рыбы, извоз и другие общественные работы. Не обошлось без перегибов. Например, в небольшой Юдомской кочевой группе эвенов, состоящей из 51 хозяйства, 17 человек были лишены права голоса как шаманы. Правда, вскоре большинство из них было оправдано и восстановлено в правах как не «профессиональные» шаманы, а «любители, которые шаманят при болезни родных, близких знакомых и собственной болезни совершенно безвозмездно, в порядке личной услуги»[58].

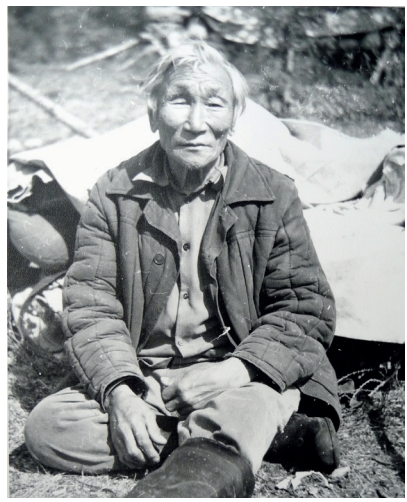
Однако никакие репрессивные меры не смогли искоренить шаманизм из жизни эвенов Приохотья. Он сохранялся в разной степени вплоть до 1970-х гг. Очевидно, что в советское время шаманская практика велась нелегально, скрытно, поэтому достоверных свидетельств о ней и о действующих шаманах сохранилось крайне мало. Пожалуй, единственным опубликованным источником информации на эту тему служат полевые материалы Ульяны Григорьевны Поповой, занимавшейся исследованиями истории и этнографии магаданских эвенов. Благодаря ей стали известны имена «больших» эвенских шаманов П. Маторина, Н.П. Хабаровского и С.В. Болдухина, практиковавших в середине XX в. на территории северного Приохотья, в Магаданской области.

В ходе экспедиционных и архивных изысканий нами были собраны некоторые сведения о шаманах южного Приохотья, живших в сс. Арка и Иняи в таёжных кочевьях Охотского района Хабаровского края в XX в. В списках граждан, лишённых права голоса в 1933 г., значились и шаманы: Дмитрий Николаевич Погодаев (Юдома), Василий Федорович Сторожев (Бургахчан), Иван Митрофанович Шумилов (Ульбея), Прокопий Семенович Громов (Ульбея), Иван Васильевич Громов (Хейджан), Николай Иванович Тетерин (Ульбея). Четверо последних в этом списке в 1934 г. были восстановлены в правах[59]. Самым известным из них был Н.И. Тетерин (1922? – 1990?). О его способностях к врачеванию с использованием не только магических приёмов, но и гипноза и средств народной медицины, рассказывали нам многие информанты[60].

Кроме Н.И. Тетерина, во II половине XX в. в Охотском районе шаманской практикой занимались Петр Дмитриевич Афанасьев (Бэенкэн) (1890-е – кон. 1970-х гг., Бургахчан), Иннокентий Иванович Андреев (? – 1977, Черпулай),

Семен Егорович Безносов (1910-е гг. – 2002, Кетанда), Николай Петрович Борисов (1900? – 1961, Уега), Иннокентий Прокопьевич Шумилов (1910? – 1985?, Наманкур), Николай Абрамов (? – 1962, Уега), Алексей Федорович Громов (1905–1996, Надьбаки)[61].

Илл. 2. Шаман
Тетерин Николай Иванович



Илл. 3. Шаман
Безносов Семен Егорович

Таким образом, шаманские верования эвенов Приохотья, развиваясь на протяжении длительного времени, сохранялись в кочевой среде вплоть до второй половины XX в. В досоветский период шаманизм имел среди эвенов очень широкое распространение и большое влияние на все сферы жизни этноса. Соответствуя в основных своих признаках общесибирской шаманской традиции (наследственное служение, посредническая роль шамана, социальные функции и др.), эвенский шаманизм имеет свои особенности, главная из которых – религиозный синкретизм. Являясь частью сложной системы верований, шаманизм эвенов органично воспринял и элементы архаичных культов, и идеи православия.

Библиографический список

1. Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (МАЭ РАН). Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.
2. Бергман, С. По дикой Камчатке / С. Бергман. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский печатный двор, 2000. – 165 с.
3. Бурыкин, А.А. Этнокультурные связи эвенов и коряков в семиотике шаманских предметов / А.А. Бурыкин // Этносемиотика ритуальных предметов. – СПб.: РЭМ, 1993. – С. 140–145.
4. Бурыкин, А.А. Религиозные воззрения эвенов / А.А. Бурыкин // Краеведческие записки. – Магадан: Книж. изд-во, 1993. – Вып. 19. – С. 50–72.
5. Бурыкин, А.А. Материалы по шаманству эвенов Якутии в записях А. Сотавалта / А.А. Бурыкин, С.И. Шарина // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы Четвертых Сибирских чтений. – СПб.: МАЭ РАН, 2000. – С. 247–252.
6. Василевич, Г.М. Дошаманские и шаманские верования эвенков / Г.М. Василевич // Советская этнография. – 1971. – № 5. – С. 53–60.
7. Историко-этнографический атлас Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. – 498 с.
8. Линденау, Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Я.И. Линденау. – Магадан: Книж. изд-во, 1983. – 176 с.
9. На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). – М.: ИПЦ «Художник и книга», 2006. – 296 с.
10. Левин, М.Г. Эвены / М.Г. Левин // Народы Сибири. – М.; Л.: АН СССР, 1956. – С. 760–775.
11. Муниципальный архив Николаевского района (МАНР). Ф. 12. Оп. 3. Д. 5.

12. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 17.
13. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 18.
14. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 21.
15. МАНР. Ф. 287. Оп. 1. Д. 5.
16. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НА РС(Я)). Ф. 277. Оп. 2. Д. 10.
17. Олсуфьев, А.В. Общий очерк Анадырьской округи, ее экономического состояния и быта населения / А.В. Олсуфьев. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1896. – 245 с.
18. Попова, У.Г. Эвены Магаданской области (в первые годы Советской власти и накануне коллективизации). Научный отчет. 1969 г. / У.Г. Попова // Архив СВКНИИ. – № 861. – 296 с.
19. Попова, У.Г. Рассохинская группа эвенов / У.Г. Попова // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. – Магадан: СВКНИИ, 1976. – Вып. 67. – С. 121–146.
20. Попова, У.Г. Эвены Магаданской области / У.Г. Попова. – М.: Наука, 1981. – 304 с.
21. Попова, У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов / У.Г. Попова // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). – Л.: Наука, 1981. – С. 233–252.
22. Прокофьева, Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири / Е.Д. Прокофьева // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX века: Сборник МАЭ. – Л.: Наука, 1971. – Т. 27. – С. 6–100.
23. Сем, Т.Ю. Идея космической связи в атрибутике эвенских шаманов / Т.Ю. Сем // Этносемиотика ритуальных предметов. – СПб.: РЭМ, 1993. – С. 127–140.
24. Слепцов, Ю.А. Обряд погребения шаманов у эвенов Момского улуса Республики Саха (Якутии) / Ю.А. Слепцов // Религиоведение. – 2012. – № 1. – С. 27–32.
25. Хаховская, Л.Н. Пояс эвенского шамана / Л.Н. Хаховская // Вестник ДВО РАН. – 1997. – № 5. – С. 131–137.
26. Хаховская, Л.Н. Эвенские амулеты из коллекции Сеймчанского районного краеведческого музея / Л.Н. Хаховская // Вестник СВНЦ ДВ РАН. – 2011. – № 3. – С. 96–102.

---

[1] Левин М.Г. Эвены // Народы Сибири. М.; Л., 1956. С. 769.
[2] Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырьской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 139.
[3] Бергман С. По дикой Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 2000. С. 106–107.
[4] Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 69.
[5] Полевые материалы автора, 2015 г. От А.И. Громова (1966 г.р.), п. Охотск Охотского района Хабаровского края.
[6] Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.
[7] Там же. Л. 42.
[8] Бурыкин А.А., Шарина С.И. Материалы по шаманству эвенов Якутии в записях А. Сотавалта // Культурное наследие народов Сибири и Севера: Мат-лы Четвертых Сибирских чтений. СПб., 2000. С. 247–252.
[9] Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 10–18.
[10] НА РС(Я) Ф. 277. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.
[11] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 235.
[12] Там же. С. 236.
[13] МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 21. Л. 65.
[14] Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 68.
[15] Василевич Г.М. Дошаманские и шаманские верования эвенков // Советская этнография. 1971. № 5. С. 58.
[16] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 242.
[17] Полевые материалы автора, 2009 г. От Е.А. Борисовой, с. Арка Охотского района Хабаровского края.
[18] Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 69.
[19] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 238–240.
[20] Линденау Я.И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этногр. материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан, 1983. С. 69.
[21] Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырьской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 139.
[22] Архив МАЭ РАН. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134. Л. 10 об.
[23] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 249.

[24] Полевые материалы автора, 2009 г. От Е.А. Борисовой, А.А. Слепцовой (1939 г.р.), с. Арка Охотского района Хабаровского края.
[25] На грани миров. Шаманизм народов Сибири (из собрания Российского этнографического музея: Альбом). М., 2006. С. 168.
[26] Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX века: Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 48.
[27] Там же.
[28] Сем Т.Ю. Идея космической связи в атрибутике эвенских шаманов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 131.
[29] Там же. С. 132.
[30] Прокофьева Е.Д. Шаманские костюмы народов Сибири // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – нач. XX века: Сборник МАЭ. Л., 1971. Т. 27. С. 49.
[31] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 248.
[32] Сем Т.Ю. Идея космической связи в атрибутике эвенских шаманов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 136.
[33] Хаховская Л.Н. Пояс эвенского шамана // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 133.
[34] Хаховская Л.Н. Эвенские амулеты из коллекции Сеймчанского районного краеведческого музея // Вестник СВНЦ ДВ РАН. 2011. № 3. С. 96–102.
[35] Бурыкин А.А. Этнокультурные связи эвенов и коряков в семиотике шаманских предметов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 143.
[36] Хаховская Л.Н. Пояс эвенского шамана // Вестник ДВО РАН. 1997. № 5. С. 131–137.
[37] Бурыкин А.А. Этнокультурные связи эвенов и коряков в семиотике шаманских предметов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 142.
[38] Сем Т.Ю. Идея космической связи в атрибутике эвенских шаманов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 137.
[39] Попова У.Г. Эвены Магаданской области. М., 1981. С. 180.
[40] Полевые материалы автора, 2012 г. От У.В. Афанасьевой (1932 г.р.), с. Вятское Хабаровского района Хабаровского края.
[41] Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л., 1961. С. 447.
[42] Бурыкин А.А. Религиозные воззрения эвенов // Краеведческие записки. Магадан, 1993. Вып. 19. С. 58.
[43] Полевые материалы автора, 2015 г. От А.И. Громова (1966 г.р.), п. Охотск Охотского района Хабаровского края.
[44] Бурыкин А.А. Этнокультурные связи эвенов и коряков в семиотике шаманских предметов // Этносемиотика ритуальных предметов. СПб., 1993. С. 142; Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 249.
[45] Бурыкин А.А. Религиозные воззрения эвенов // Краеведческие записки. Магадан, 1993. Вып. 19. С. 59.
[46] НА РС(Я). Ф. 277. Оп. 2. Д. 10. Л. 1.
[47] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 238.
[48] Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырьской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896. С. 139.
[49] Попова У.Г. Эвены Магаданской области (в первые годы Советской власти и накануне коллективизации). Научный отчет. 1969 г. Архив СВКНИИ. № 861. С. 285.
[50] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 252.
[51] Там же; Слепцов Ю.А. Обряд погребения шаманов у эвенов Момского улуса Республики Саха (Якутии) // Религиоведение. 2012. № 1. С. 30.
[52] Попова У.Г. Эвены Магаданской области (в первые годы Советской власти и накануне коллективизации). Научный отчет. 1969 г. Архив СВКНИИ. № 861. С. 289.
[53] Попова У.Г. Рассохинская группа эвенов // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976. Вып. 67. С. 145.
[54] Попова У.Г. Пережитки шаманизма у эвенов // Проблемы истории общественного сознания аборигенов Сибири (по материалам II пол. XIX – нач. XX в.). Л., 1981. С. 242.
[55] МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 21. Л. 65.
[56] Попова У.Г. Рассохинская группа эвенов // Экономические и исторические исследования на Северо-Востоке СССР. Магадан, 1976. Вып. 67. С. 144.
[57] МАНР. Ф. 287. Оп. 1. Д. 5. Л. 26.
[58] МАНР. Ф. 12. Оп. 3. Д. 5. Л. 49.
[59] МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 17. Л. 40–41; Д. 18. Л. 123.
[60] Полевые материалы автора, 2006 г. От В.И. Сергучевой (1973 г.р.), с. Арка Охотского района Хабаровского края; А.И. Громова (1966 г.р.), п. Охотск Охотского района Хабаровского края.
[61] Полевые материалы автора, 2006–2011 гг. От Е.А. Борисовой, А.А. Слепцовой (1939 г.р.), с. Арка Охотского района Хабаровского края; от А.И. Громова (1966 г.р.), О.А. Сторожевой (1969 г.р.), п. Охотск Охотского района Хабаровского края.

References

1. Levin M.G. *Narody Sibiri* [Peoples of Siberia]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956, p. 769.
2. Olsuf'ev A.V. *Obshchiy ocherk Anadyr'skoy okrugi, ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya* [General Review of Anadyr Region, It Economical State and Life of the Population]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1896, p. 139.
3. Bergman S. *Po dikoy Kamchatke* [In and for Wild Kamchatka]. Petropavlovsk-Kamchatskiy, Kamchatskiy pechatnyy dvor, 2000, pp. 106–107.
4. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Review on the Peoples of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Data about the Peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan, Kn. izd-vo, 1983, p. 69.
5. Burykin A.A., Sharina S.I. *Kul'turnoe nasledie narodov Sibiri i Severa: Mat-ly Chetvertykh Sibirskikh chteniy* [Cultural Heritage of the Peoples of Siberia and the North: Proc. of the 4th Siberian Readings]. Saint Petersburg, MAE RAN, 2000, pp. 247–252.
6. Popova U.G. P*roblemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 235.
7. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 236.
8. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Review on the Peoples of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Data about the Peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan, Kn. izd-vo, 1983, p. 68.
9. Vasilevich G.M. *Sovetskaya etnografiya* [Soviet Ethnography]. 1971, no. 5, p. 58.
10. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 242.
11. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Review on the Peoples of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Data about the Peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan, Kn. izd-vo, 1983, p. 69.
12. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, pp. 238–240.
13. Lindenau Ya.I. *Opisanie narodov Sibiri (pervaya polovina XVIII veka): Istoriko-etnogr. materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka* [Review on the Peoples of Siberia (the first half of the 18th century): Historical and Ethnographic Data about the Peoples of Siberia and the Northeast]. Magadan, Kn. izd-vo, 1983, p. 69.
14. Olsuf'ev A.V. *Obshchiy ocherk Anadyr'skoy okrugi, ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya* [General Review of Anadyr Region, It Economical State and Life of the Population]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1896, p. 139.
15. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 249.
16. *Na grani mirov. Shamanizm narodov Sibiri* [On the Edge of the Worlds. Shamanism of the Peoples of Siberia]. Moscow: IPTs «Khudozhnik i kniga», 2006, p. 168.
17. Prokof'eva E.D. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nach. XX veka* [Religious Beliefs and Rites of the Peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, Nauka, 1971, vol. 27, p. 48.
18. Prokof'eva E.D. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nach. XX veka* [Religious Beliefs and Rites of the Peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, Nauka, 1971, vol. 27, p. 48.
19. Sem T.Yu. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 131.
20. Sem T.Yu. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 132.
21. Prokof'eva E.D. *Religioznye predstavleniya i obryady narodov Sibiri v XIX – nach. XX veka* [Religious Beliefs and Rites of the Peoples of Siberia in the 19th – early 20th centuries]. Leningrad, Nauka, 1971, vol. 27, p. 49.
22. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 248.
23. Sem T.Yu. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 136.
24. Khakhovskaya L.N. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 1997, no. 5, p. 133.

25. Khakhovskaya L.N. V*estnik DVO RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 1997, no. 5, pp. 96–102.
26. Burykin A.A. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 143.
27. Khakhovskaya L.N. *Vestnik DVO RAN* [Vestnik of the Far East Branch of the Russian Academy of Sciences]. 1997, no. 5, pp. 131–137.
28. Burykin A.A. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 142.
29. Sem T.Yu. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 137.
30. Popova U.G. *Eveny Magadanskoy oblasti* [Evens in Magadan Oblast]. Moscow, Nauka, 1981, p. 180.
31. *Istoriko-etnograficheskiy atlas Sibiri* [Historical and Ethnographical Atlas of Siberia]. Moscow; Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1961, p. 447.
32. Burykin A.A. *Kraevedcheskie zapiski* [Notes on Regional History]. Magadan, Knizh. izd-vo, 1993, vol. 19, p. 58.
33. Burykin A.A. *Etnosemiotika ritual'nykh predmetov* [Ethnosemiotics of Ritual Things]. Saint Petersburg, REM, 1993, p. 142.
34. Popova U.G. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 249.
35. Burykin A.A. *Kraevedcheskie zapiski* [Notes on Regional History]. Magadan, Knizh. izd-vo, 1993, vol. 19, p. 59.
36. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 238.
37. Olsuf'ev A.V. *Obshchiy ocherk Anadyr'skoy okrugi, ee ekonomicheskogo sostoyaniya i byta naseleniya* [General Review of Anadyr Region, It Economical State and Life of the Population]. Saint Petersburg, Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1896, p. 139.
38. Popova U.G. *Eveny Magadanskoy oblasti (v pervye gody Sovetskoy vlasti i nakanune kollektivizatsii). Nauchnyy otchet* [Evens in Magadan Oblast (in Early Years of the Soviet Regime and on the Eve of Collectivization). Scientific Report]. Archive SVKNII, 1969, no. 861, p. 285.
39. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 252.
40. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 252.
41. Sleptsov Yu.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2012, no. 1, p. 30.
42. Popova U.G. *Eveny Magadanskoy oblasti (v pervye gody Sovetskoy vlasti i nakanune kollektivizatsii). Nauchnyy otchet* [Evens in Magadan Oblast (in Early Years of the Soviet Regime and on the Eve of Collectivization). Scientific Report]. Archive SVKNII, 1969, no. 861, p. 289.
43. Popova U.G. *Ekonomicheskie i istoricheskie issledovaniya na Severo-Vostoke SSSR* [Economical and Historical Studies in Northeast USSR]. Magadan, SVKNII, 1976, vol. 67, p. 145.
44. *Problemy istorii obshchestvennogo soznaniya aborigenov Sibiri (po materialam II pol. XIX – nach. XX v.)* [Issues on Public Conscience of the Natives of Siberia (the second half of the 19th – early 20th centuries)]. Leningrad, Nauka, 1981, p. 242.
45. Popova U.G. *Ekonomicheskie i istoricheskie issledovaniya na Severo-Vostoke SSSR* [Economical and Historical Studies in Northeast USSR]. Magadan, SVKNII, 1976, vol. 67, p. 144.